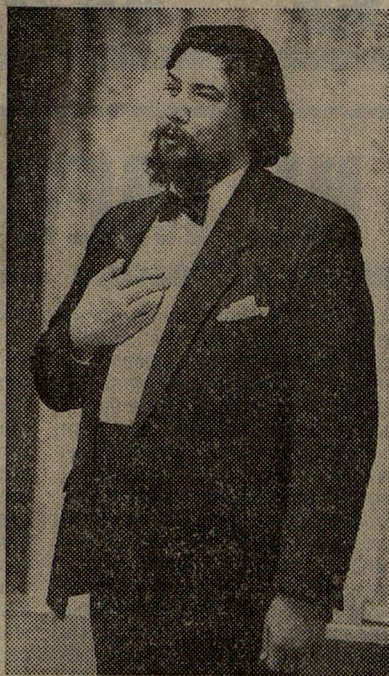

Труд-1998.-Чавз.-с, 5

В Большом театре, в Бетховенском зале, звучали романсы Глинки, Даргомыжского, городской фольклор. Все это было не просто мастерски спето, но великолепно актерски сыграно. Очень необычно. Что это за традиция — разыгрывать песни и романсы в лицах? После концерта подошел с этим вопросом к певцу — народному артисту России, солисту Большого театра Владимиру МАТОРИНУ.

ЛИЦО РОМАНСА

— Я люблю петь камерные концерты, — признался он. — Здесь я сам себе режиссер: самостоятельно готовлю программу, думаю, как выстроить ее динамичней, передвигая отдельные номера. Например, никак не могу найти точное место для "Пророка". В начале концерта такую экспрессивную вещь не поставишь. А в конце — не хватает уже голоса.

Продержаться полтора-два часа на сцене очень трудно. Если у тебя хороший костюм, если ты неплохо причесан и обладаешь красивым голосом — ты заслужишь благосклонность публики на первые десять минут. И все! Когда на тебя посмотрелись, ты должен дать слушателям что-то глубинное, настоящее... Полагаю, что планку тут поставил не кто иной, как Федор Иванович Шаляпин. Мне его стиль близок. Я не люблю, когда меня называют певцом, вокалистом... Точнее было бы — поющим актером. Конечно, Шаляпин — идеал. Но ведь и Эйзен хорош, и Ведерников, и Нестеренко. И я у них всех учился тому, чтобы каждый романс был как маленький спектакль. Или даже симфония... Тут сложность в чем? Даргомыжский из-за цензурных соображений называл свои романсы-сценки "комическими песнями". Они были слепком с русской жизни, когда не знаешь, плакать надо или смеяться.

— Мне как раз показалось, что вы исполняли иные романсы с ноткой иронии...

— Образ, в котором певец живет на сцене, зависит от многого — от репертуара, акустики, даже времени дня. От публики — одни устали, другие недоумевают: а где же там микрофон спрятан? Третьи просто думают: опять эти скучные романсы. А четвертые, напротив: наконец-то романсы!

Вообще-то я человек веселый, ироничный. Но в то же время романтик, что, наверное, смешно при моей внешности (Маторин по сложению — богатый с васнецовского полотна. — А.П.). Вот пою дома "Примирение" Чайковского. Светлана — моя жена и концертмейстер

— плачет, сам плачу. Иной раз "берешь" слушателя (да и себя самого!) неведь чем — не нажимом на голос, а шепотом, жестом. Взглядом одним только. И — чтобы мороз по коже...

— А правда, что вы готовите досье на своих оперных персонажей?

— Готовлю. Меня этому научила мой педагог Майя Леопольдовна Мельцер в Институте Гнесиных. Работаем над арией дона Базилио. И вдруг слышу вопросы: а откуда он пришел? Что у него в кармане, какая обувь? Я подумал: зачем все это, что за глупости? А сейчас учу своих студентов в Театральной академии (бывшем ГИТИСе) тому же самому. Я действительно все должен знать о доне Базилио.

— Я прослушал записанный вами диск русской духовной музыки — Чесноков, Архангельский, Гречанинов, Зиновьев, Динев, распев Киевско-Печерской лавры. И рядом — "Двенадцать разбойников", стилизация в русском духе из репертуара Шаляпина. Ваш голос звучит торжественно, густо, будто праздничный колокол. Рокочет — на фоне светлых, прозрачных аккордов сопрано, теноров. Подумалось — вот она, ожившая традиция русского басового пения, какой была и сто, и больше лет назад.

— Ассоциация лестная. А мне самому эта работа, знаете, не очень нравится. Мы записали пятнадцать номеров с капеллой музеев Московского Кремля под управлением Геннадия Дмитрича. В каждом номере я делал по 10—15 дублей. Думал — звукорежиссеры потом выберут лучшее. А оказалось, тут несовпадение с хором "по горизонтали", там что-то трещит... Хотя в принципе бас с церковным хором — это здорово! На эту запись меня подвигла шаляпинская пластинка. Есть письменное благословение патриарха на эту работу. Он сказал: "В свое время цер-

ковь отдала в Большой театр Максима Дормидонтовича Михайлова, верните теперь долг Маториным!" Так что спасибо за высокую оценку моей работы!

— Вы очень нестандартно исполняете сусанинское "Чуют правду..." У вас в этой арии не предсмертный страх, а душевное просветление и очищение...

— В спектакле этой арией мой герой подводит итоги. В сущности, это ария-молитва. Ведь все так хорошо складывалось: дочка — невеста, продукты закуплены, гости собрались, и все уже по одной выпили... Радостное предвкушение праздника. И вдруг — как гром среди ясного неба — пришли враги! Да как же они оказались в Костроме? Оказывается, это "спецназ", командос, охотящиеся за царем. А русский человек — как медведь в берлоге. Никого не трогает, тихо себе пашет, сеет, выпивает, но если его задеть — берет оглоблю и начинает крушить чужих и своих!

— Находите ли вы при вашем бурном актерском темпераменте общий язык с дирижерами?

— По-моему, да. Со Светлано-

вым пел в "Китеже", с Гергиевым — в "Чародейке". Очень любил Китеенко (когда он трудился в театре Станиславского и Немировича-Данченко). Феранец меня любил. Удобно работать с Андреем Чистяковым. Перспективен молодой Павел Сорокин. Много хорошего было и, надеюсь, еще будет связано с Марком Эрмлером... Жаль, конечно, что сегодня функция дирижера в оперном театре ограничивается зачастую тем, чтобы свети воедино солистов, хор и оркестр. Но ведь искусство с этого только начинается!

— Владимир Анатольевич, что вы думаете о репертуарной политике Большого театра? У вас нет ощущения, что коллектив подобен кораблю, плывущему по воле волн и ветров? Нет многих "базовых" спектаклей (типа "Кармен"), зато появляются случайные работы (опера Паизиелло "Прекрасная мельничиха").

— Вопрос провокационный... Формально текущим репертуаром я, скорее, доволен. "Сусанин" идет — это хорошо. "Руслан" не идет — плохо. "Русалка" тоже не идет — снова плохо. Театру очень пригодился бы такой небольшой спектакль. "Пиковая дама", "Евгений Онегин", "Иоланта" Чайковского идут, "Мазепа" не идет — жалко. "Орлеанская дева" редко, но идет. "Борис" и "Хованщина" Мусоргского идут постоянно, причем мы могли бы играть все редакции, не только те, которые сейчас исполняем. Жалко, что не поставлена "Сорочинская ярмарка".

Но все рухнет, как только театр станет на ремонт. А филиал еще не готов. Нужны современные свет, звук. Пора использовать голографические эффекты... Мы ведь видели, как "заряжается" сценическая коробка в немецких операх — декорации готовятся сразу на пять спектаклей и меняются нажатием кнопки. Рабочие сидят у компьютеров в наушниках, а не бегают с молотками, как у нас.

Вообще мы могли бы ставить свои спектакли и в Театре оперетты, и в Колонном зале. И даже в крупных дворцах культуры (таких, как в подмосковном Крюкове), и в танковой академии в Лефортове. Я считаю, что следовало бы даже

создать специальный проект: "Большой театр для России". Как это выглядело бы? Певцу говорят: ты на этой неделе свободен? Хочешь заработать? Летим в Мурманск (Оренбург, Хабаровск, Ростов...) Показываем компактные сборные программы. Или небольшие спектакли, такие, как "Моцарт и Сальери" (два солиста, хор из десяти человек), "Иоланту"... Или: "По страницам Евгения Онегина" (несколько певцов, хор в пятнадцать человек). Ничего, что оперы пойдут в укороченных версиях — это будет намного дешевле, да и люди увидят и услышат живьем то, что они иначе увидят и услышат никак не могут.

— А что с музыкой современных авторов?

— Негусто. Спасибо Пушкину — к его юбилею планируется подготовить "Капитанскую дочку" Михаила Коллонтая. Васильев будет ставить, мне предложил играть Пугачева.

— Как вы относитесь к экспериментам с "осовремениванием" классики в западных постановках?

— Сама идея эксперимента мне не претит. Но преобладает ощущение, что над русской оперой измываются, как хотят. Иногда это просто невинные технические трюки. Но есть "замыслы" покруче: в "Евгении Онегине" Онегин с Ленским — "голубые", а сестры Ларины — лесбиянки. Или (видел в немецкой постановке): Пимен — старый еврей с пейсами, в котелке, пальто.

— Если бы это зависело от вас, что вы сделали бы для процветания Большой оперы?

— Два года назад я был в Корее. Корейцы решили построить новый концертный зал. И знаете, что придумали? Скопировать лучший по акустике зал мира — лейпцигский "Гевандхаус". И выполнили задачу — один к одному. Я там пел. Получил большое удовольствие... Мы ведь тоже могли бы "снять" параметры Большого. И построить в различных точках Москвы (не обязательно в центре) три здания: "Большой-1", "Большой-2" и "Большой-3". Если бы я был волшебником, обязательно сделал бы это...

Вел беседу
Аркадий ПЕТРОВ.